

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

Спасение - 1994 - сентябрь (№25) - с. 5

В Сростках у Шукшина

Сростки... Как знать, может быть, эта деревенька на алтайской земле так и осталась бы неизвестной, если бы не Василий Макарович Шукшин, режиссер, писатель. Человек, родившийся здесь и прославивший свой дом, свои Сростки, где его любили, прощали и понимали. Нынешним летом, 25 июля ему бы исполнилось шестьдесят пять. Не исполнилось. Василия Макаровича не стало двадцать лет назад: в сорок пять навсегда замолкло взволнованное сердце самобытного таланта. Уже в дни его похорон (в октябре 1974 года) очень многим, даже тем, кого сильно раздражал, стало ясно, как много он сумел сказать и сделать за десять лет творчества, отпущенных ему судьбой! Как сделанное им правдиво и значимо! Как это необходимо народу и сколько бы он еще смог, если бы прожил дольше!

В середине 60-х — начале 70-х годов В.М.Шукшин в своих фильмах (он их поставил пять), рассказах, исторических романах и повестях, в выступлениях перед разными аудиториями и в дневниковых записях поставил перед собой и обществом ряд жгучих вопросов. Он не знал ответов на многие из них. Он их мучительно вынашивал, жил ими, болел ими. Они — о нравственности, долге, правде, сохранении лучших национальных традиций... В последнее время литературные игры критиков, создающих чуть ли не каждые полгода новых кумиров, как бы отодвинули замечательного русского писателя на второй план. Профессиональные «организаторы литпроцессов», решающие «кому быть живым и хвалимым», предпочитают не вспоминать о Шукшине. А народ не вспоминает — народ помнит. Ежегодное паломничество в Сростки, на родину писателя, — убедительное тому свидетельство.

И мне улыбнулось счастье побывать в Сростках два года назад, где деревенька шукшинская встретила меня своей яркой, трогательной красотой и стала частью моей жизни. Здесь долго не потухает вечернее небо. Золотыми рушниками по красному растянуты облака. Бревенчатые избы царствуют над рекой. На взгорке, у подножия горы Пикет, — дом Шукшина. Сын подарил его матери. Купил на гонорар за роман «Любовины», на свои первые деньги.

Теперь здесь музей, в котором многое сделано руками Василия Макаровича: банька с летней кухней и сарайчиком, паровое отопление. Все старался получить устроить жизнь матери, хоть на старости лет. Собирался поставить громоотвод на крыше, да пришло уезжать. Закончились работы над фильмом «Печки-лавочки», всем надо было срочно возвращаться в Москву. Обещал скоро вернуться, доделать.

Не вернулся. Не успел.

Пока была жива мать Василия Макаровича — Мария Сергеевна, — она во многом помо-

гала музею. Приехав из Бийска, ходила по усадьбе, осматривала дом, как бы заставляя привыкнуть к нему в его новом качестве. Вздыхала. Казалось, что откроется калитка — и в дом сын войдет, да вот только стенды и витрины в зале и надписи напоминают, что здесь теперь музей. Сокрушалась, что нет тут ничего такого, чтобы народ сюда издалека ехал. Богатств никаких, все по-крестьянски. Мало ли таких домов по деревням! Что могла, сама делала: ткала, вышивала, вязала, шила. У людей вон добра сколько, кому же это-то интересно!

Жаль, что Мария Сергеевна не успела увидеть, как именем ее сына село Сростки стало притягательным для тысяч соотечественников и гостей из других стран. Мало верили и сростинцы, что в село будут приезжать со всего света. А едут...

Идут годы. Музей В.М.Шукшина принимает все больше и больше гостей. Экспозиции все полнее и глубже раскрывают жизнь и творчество. Фотографии, документы, письма, рукописи, книги отечественные и зарубежные, афиши размещены в зале. Здесь же комод, покрытый ажурной скатертью, — ее вязала Мария Сергеевна. Тумбочка с телевизором — подарок Василия Макаровича матери. Письменный стол, на нем пишущая машинка «Москва», рукописи. За этим столом он любил работать. По словам матери, дома ему работалось легко. Много, что написал здесь, потом было в фильмах и книгах.

Две небольшие комнатки и кухня полностью воссоздают обстановку дома матери Марии Сергеевны. Подзоры, наволочки, подшторники, расшитые скатерти, рушники — все это сделано ее руками. На кухне кровать, на которой любил отдыхать Василий Макарович. Под потрескивание дров в печи думалось легче, на душе становилось теплее. В маленькой комнатке Марии Сергеевны две диван-кровати, покрытые красивыми пушистыми одеялами — подарок сына. Здесь же хранится портрет Шукшина. Незавершенный. Расшитый рушник, на стене панно — атласные георгины на темной ткани.

А во дворе на месте огорода разбит красивый сквер. Елочки давно стали голубыми елями, выросли и выстроились в ряд белокорые кудрявые березки. По осени наливаются алым соком ягоды калины, красные гроздья рябин. Манят к себе причудливыми узорами цветочные клумбы. А за банькой высаживается все, что было когда-то на огороде у Марии Сергеевны, — тут и огурцы, и картофель, и тыквы, помидоры, дыни, яблоки. В них прятались Василий Макарович со своим другом-оператором Заболоцким, когда надумали заснять скрытой камерой не любившую сниматься Марию Сергеевну. Он тогда снимал — «Печки лавочки». Мария Сергеевна узнала об этом, когда увидела себя в фильме: удивилась очень.

Переполненные любовью к Шукшину, глубоко благодарные за память о нем на Алтае, многие посетители присылают в музей книги, фотографии, письма, оставляют подарки и цве-

ты... Однажды в адрес музея пришла посылка весом около двух тонн. В ней оказалась скульптура В.М.Шукшина работы известного скульптора Вячеслава Клыкова. Теперь она стоит во дворе у самого дома...

В июльские дни в Сростках было особенно многолюдно. На Шукшинские чтения съезжались со всего света. Самое лучшее время вечер, когда волна туристов схлынула и остаются только сростинцы да самые близкие Василия Макаровичу люди. В такие минуты, стоя у ограды его дома, особенно чувствуешь Шукшина.

Грустно, доверительно шелестят березы. Только изредка где-то скрипнет калитка да звякнет ведро у колодца. И веселая, полная запахов свежего сена и парного молока, плывет над деревенькой тишина. Спускается ночь, укрывая до утра черными тенями знаменитые Сростки.

На дворе конец сентября. Гляжу в окно на прекрасное мое, чуть озябшее Подмосковье. И вдруг вспоминаю, как в «Калине красной» Шукшин обнимал каждую березку и вел с ней разговор. И тут же вспоминаю Сростки. Как-то там сейчас? И тут же вспоминаю, что именно в октябре 20 лет назад Шукшин ушел от нас. И навсегда остался с нами. Как голос Родины.

Аля КРЯКВИНА